

Федотов Г.П.

Религиозный путь Пеги профессор Георгий Петрович Федотов

Jérôme et Jean Tharaud. – Notre cher Péguy. 2 vol. Paris. Plon. 1926.

Книга братьев Таро о Пеги кажется написанной для нас, русских. До того близок нам, нашему недавнему прошлому, ее герой, круг идей, в которых он жил, и самое качество его религиозности. Давно уже Сюарес, рисуя его портрет, отметил это сходство: «un vrai petit homme russe à Tolstoï». Впрочем, на толстовца он всего менее похож. Пеги – прирожденный воин, трувер Орлеанской Девы и социалист. Он напоминает, скорее, старого русского революционера, но на почве классической культуры; народник, вышедший из Пушкинского лицея. – Возможность, никогда не осуществленная у нас, в России, где немыслим крестьянский сын, воспитанный на Софокле, Корнеле и Гюго.

Два слова о самой книге. Написанная его друзьями, товарищами по школе и по Cahiers de la Quinzaine, она рисует Пеги среди его современников и учеников. Ни одна книга (кроме м. б. «Dans la maison» Ролана) не способна лучше ввести иностранца в мир французского идеализма. Это одно из немногих окон глухого замкнутого дома. Без идеалистического возрождения конца 90-х, начала 900-х годов, непонятна героическая эпопея Франции и ее современного ренессанса. Правда, война провела черту между поколениями. Пеги уже чужд молодой Франции, но он во многом является ее предтечей.

Таро в совершенстве владеет искусством литературного портрета. Под их легким, чуть-чуть небрежным пером, в немногих строках, оживают для нас фигуры Жореса, Ролана, Сореля, и многих скромных деятелей, соратников Пеги, уже ушедших из мира живых: бенедиктинца Байе, карлика-публициста Лотта и других. Это сочетание имен радикальной и католической Франции, чаще всего враждебно встречающихся в наши дни, характерно для круга Пеги, для центральной идеи его жизни. Большинство лиц, любовно, но с тонкой иронией зарисованных в этой книге, уже покойники, но их могилы еще свежи, и это сообщает ей особую грустную прелесть венка, сплетенного дружеской рукой. Из живых отчетливо выступает, хотя умышленно оставляется в тени, фигура Маритэна, связывающего для нас поколение Пеги с католической Францией.

Помимо индивидуальных портретов, прекрасны портреты коллективные, особенно таких культурных очагов, как лицей Сент-Барб и Нормальной Школы, с их бодрящей атмосферой юного идеализма, борьбы идейных течений – прежде всего talas и antitalas (на школьном жаргоне), т. е. католиков и антиклерикалов. Нужно признать их: одно из открытий этой книги, неожиданное для нас, русских, это впечатление большой моральной крепости и пуританского героизма, сохраняющихся еще в антицерковных кругах Франции. К им принадлежит семья жены Пеги, многие из его друзей среди женщин, из подписчиков Cahiers. Конечно, высокая моральная настроенность не характерна для французского радикализма, это удел избранного меньшинства, но меньшинством этим еще питается во Франции светский идеализм (с которым, кстати, недавно познакомил нас и последний портретный роман Нироду «Bella»).

Весь жизненный путь Пеги кажется predeterminedенным от рождения. Потомок крестьян и дровосеков с Луары, выросший в бедном Орлеанском предместье, он навсегда сохранил верность народу, любовь к бедности и, вместе с светским катехизисом, поклонение Орлеанской деве. Его кровь делала его демократом, социалистом, сыном французской революции. «Но он был также и сыном крестовых походов» (Сюарес). Слить воедино пафос революции с религией Жанны Д, Арк – на это ушла напряженная работа целой жизни, приведшая его на порог церкви.

Таро рассказывают, что пошатнуло его детскую веру в Лицее. Пеги перестал ходить в капеллу, после того, как клерикальная пресса стала на сторону хозяев в одной стачке, в которой мальчик принимал горячее участие, конечно, на стороне рабочих. Другой мотив, приводимый Таро, это невозможность примириться с адом. «Он объявил себя солидарным с отверженными на небе и на земле». Уже католиком он вкладывает эти же сомнения в уста Жанны: «Il y a tant des souffrances inutiles» (Lemysterie de la charité de Jeanned, Arc)

В этом весь Пеги с его радикальным морализмом, все своеобразие его христианского пути. Мы хорошо знаем путь эстетов, через символическое искусство подошедших к католичеству. Мы помним крушение научной веры в 90-х годах (Брюнетьер), определившее обращение многих. Мы охотно представляем себе, особенно на почве Франции, колесо эротики, с которого спасенные чудом поднимаются на крест. Вместе с Пеги возвращается в Церковь сама юность, здоровье, мужественный героизм. Его путь – путь морального напряжения уясняющего постепенно свою религиозную природу. Пеги – поэт – ненавидит эстетика. В Нормальной школе он не хочет слушать лекции по искусству Р. Роллана.

Теоретические сомнения тоже, по-видимому, мало мучат его, хотя Бергсон оказал ему большую помощь в освобождении от позитивизма Сорбонны. Пеги навсегда сохранил верность этому учению и накануне смерти защитил его против Рима, уже занесшего его сочинения в Индекс. Не интеллектуалист и не эстетик, Пеги был воплощением моральной воли.

Его социализм был очень своеобразный, хотя на школьной скамье и драпировался в марксистскую ортодоксию. В существе же это было народничество, вера в народ, простых людей, любовь к их быту, уже уходящему в прошлое, ненависть к духу «буржуазности» – скорее средневековый, чем современный идеал жизни. И, прежде всего, высокая моральная оценка бедности, не смешиваемой с «нищетою», подлежащей уничтожению. Политически социализм был одной из масок христианства Пеги. Впрочем, «политика» всегда была бранным словом в его устах: ей он противопоставил «мистику», хитрости и дипломатии – жертвенный порыв, веру, энтузиазм. Еще ребенком он составил план своей жизни: образование союза бескорыстных мистиков для пересоздания мира. Средством должен быть небывалый незапятнанный чистый социалистический журнал. И Пеги с необычайной энергией осуществляет эту цель: находит верную когорту, друзей, находит деньги – сам будучи нищим, – и в течение 15 лет жизни несет тяжкий крест своего журнала Cahiers de la Quinzaine, жертвуя для него всем своим временем, трудом и состоянием жены. Журнал был именно таков, каким хотел его видеть Пеги, объединением идеалистических сил Франции. Но для этого пришлось порвать с политиками, Жоресом, с Сорелем и др.

Дрейфусизм занял в активности юного Пеги, быть может, не меньше место, чем социализм. Он видел в этом движении мобилизацию духа против государственного интереса – трагическая тема Антигоны, – хотел спасти Францию от смертного греха. Разочарование в соратниках и результатах движения было сильно, – но не в самом движении. Его памяти Пеги остался верен до конца. Осталось и уважение к духу истинного Израиля, подготовившее приятие Ветхого Завета.

Когда начался поворот к церкви в его душе? Этого мы не знаем. Поэт не сделал Таро поверенными своей религиозной жизни, и не мог сделать. Их отношение к религии, конечно, ближе всего может быть охарактеризовано, как скептицизм, того оттенка, что очень часто встречается во Франции: не исключая симпатии и внимания, даже тонкой зоркости к проявлениям чужой религиозности. Вероятно, для Пеги не прошло даром длительное общение с Жанной Д'Арк; еще в Нормальной Школе он пишет огромную поэму ей посвященную, делая ее глашатаем

революционных идеалов. Первая «Жанна Д'Арк» Пеги внесла холодок в его отношения с социалистами, но должна была освободить в нем скованную религиозную энергию. Началась невидимая внутренняя работа благодати в мятежной, но по природе христианской душе. Пеги антиклерикал. Его журнал объединяет евреев, протестантов и атеистов Франции. Но сам он уже давно получил «дар слез». Он приходит к Парижу с Ave Maria на устах, живет в состоянии непрерывного молитвенного умиления. Из внешних влияний на него в эту пору мы слышим только о Маритэне. С ревностью новобращенного, Маритэн ведет с Пеги долгие философские и религиозные беседы, о которых никто, кроме его самого, не может рассказать нам. Именно ему Пеги доверился в решающий момент своей жизни. Его друг, монах Байе, молится за него на острове Уайте. Маритэн сделался посредником между монастырем и Пеги. В сентябре 1908 г. Пеги, измученный религиозным кризисом, мог сделать признание другому старому товарищу: «Я нашел веру, я католик».

Однако, Пеги так и не сделал решающего шага, не переступил порога церкви. Ни разу он не причастился и был у мессы лишь единственный раз, на войне, за несколько дней до смерти. Его дети оставались некрещеными и брак нецерковным. «Обращения», в классическом смысле слова, не произошло. Да Пеги и ненавидел это слово, звучащее для него как измена. Все давление подчас безжалостное – католических друзей, Маритэна, его сестры, бенедиктинцев – было напрасно. Пеги пережил массу колебаний, мучительной борьбы. Со стороны казалось, что он совсем подошел к последней черте. «О, если бы я мог причаститься», вырывается у него в беседе с другом, и «глаза его полны слез». В другой раз с Маритэном: «А если бы я захотел публично исповедать католическую веру и пойти к мессе, когда мне начать?» – «Сейчас же... Завтра, в воскресенье». Это завтра для Пеги никогда не наступило.

Обращение Пеги ставит перед всяким христианином большую проблему, имеющую свои аналогии и в русском религиозном возрождении: что удержало Пеги от церкви? Книга Таро не дает исчерпывающего ответа на этот вопрос, но немало ценных материалов для ответа.

Для Пеги-христианина, как и для Пеги-социалиста, свобода слишком драгоценное благо, чтобы он мог от нее отказаться. Для него благодать восполняет свободу, не требуя отречения от нее. Он не мог как он говорил, «подчиниться кюрэ». Он не мог принять «авторитета повелевающего.» Его недоверие к «кюрэ» шло так далеко, что он готов подозревать их веру: «священники не веруют или веруют так мало!» – «Что ты хочешь, говорил

им Пеги, Жанна Д'Арк создана такой: она предпочитала св. Михаила аббату Константану... Что поразительно в ней, так это то, что она никогда никого не слушает. Она всегда поступала по-своему».

Он боится теологии, как схемы, не хочет верить, что Дева Мария – mater doctorum. В своем мистическом бергсонизме он не делает разницы между Сорбонной XX века и Сорбонной XIII-го. «Оставьте меня в покое, говорит он Маритэну, с вашим св. Фомой. Он вроде Бутру! Я отдал бы всю его Summa за Ave Maria и Salve Regina»... «Это мертвая мысль, затвердение артерии, склероз католицизма».

Хотя Пеги и убежден, что остался верен детскому катехизису («В Орлеанском катехизисе» ничего, не говорилось об Индексе) но он должен был сделать в нем для себя значительные сокращения. Его религиозность не была односторонним спиритуализмом. Он дорожил полнотой католической набожности. Он имел особую любовь к святым, чувствует личную связь не только с Жанной Д'Арк, но и со св. Женевьевой, св. Анианом, св. Людовиком. Прежде всего, конечно, с Девой Марией. Когда его сын при смерти, он пешком паломничает к Шартрскому храму, дорогому для Пеги памятью о родине, не затем, чтобы вымолить жизнь ребенка, но чтобы поручить своих детей Богоматери, отдать их в Ее руки. Ребенок выздоровел. «Ну, разумеется», говорил Пеги. Однако, он и не подумал крестить его. Эта мысль пришла в голову неверующей матери. ««Крестить моих детей, говорил он, – это меня не касается. Я поручил их Деве, пусть Она сделает с ними то, что пожелает». Это доверие не обмануло Пеги. Уже после смерти отца, сыновья, по собственной воле, приняли крещение. Есть что-то непонятное до конца в этом отталкивании Пеги от культа. Он, противопологавший святых «докаторам», должен был выслушать от Маритэна: «Святые, мой милый Пеги, по крайней мере, ходили к обедне!» – О, говорил Пеги, не участвуя в таинствах, быть частью стада! – я бы не мог. Мне кажется, я лишился бы чувств». В этих словах, как и в приведенных выше, слышится голод по Евхаристии. Пеги заглушает его сомнениями: «Священники, которые держат в своих руках совершение таинств, склонны преувеличивать их значение за счет молитвы».

В сущности, что его пугает в церкви, это состояние успокоенности, чувство твердой почвы, для него противоположное состоянию благодати. На это у него есть своя теория. «Хуже всего, это не злая, не извращенная душа, а душа готовая окостениться в привычке. На душу в состоянии привычки благодать не действует.. Она скользит по ней, как вода по маслянистой ткани». «Католики несносны в своей мистической

успокоенности. Они воображают, что собственное состояние христианина это мир, мир через посредство рассудка, мир в рассудке. Сущность мистики, напротив, непобедимое беспокойство». Он боится таинств, как внешней гарантии спасения. «Не нужно принимать слишком много предосторожностей перед Богом». Он хочет верить только благодати и жить молитвой. Вот что он думает о благодати. «Безблагодатны те, кто не знает риска: рантье, чиновники, монахи. Могут быть облагодатствованы лишь те, чья жизнь ненадежна: игроки, авантюристы, бедные и отверженные, промышленники, торговцы, женатые люди, отцы семейств, эти великие авантюристы нашего времени». Благодать вне-конфессиональна. «Я знаю евреев, обладающих поразительными дарами благодати, и католиков, совершенно лишенных их». Есть благодатственные народы – французский, города – Париж. Бог любит Францию за ее любовь к свободе, за самое ее непослушание, потому что благодать и свобода неотделимы.» Пеги говорит Реклю: «Ты можешь быть спокоен. Сын коммунара, родился в Париже, в тени башен Notre-Dame, твое спасение обеспечено».

За этими парадоксами ясна основная идея его религии: религия благодати, отчасти отзывающаяся янсенизмом, но желающей быть национальной, светской, свободной. Сам Пеги живет с ощущением благодатных даров – «les graces». Сильнее всего они выражаются в силе молитвы и реальном общении с миром Божественным.

Мы ошиблись, если бы, на основании приведенных цитат, признали Пеги религиозным анархистом и упростили бы его. Действительно, сложный «случай». Пеги остается до конца исполненным противоречий. Он вовсе не индивидуалист, он верит в «мораль банды», уважает национальное, классовое и родовое сознание. Отказываясь подчиниться авторитету церкви, он необыкновенно авторитетен по отношению к своим ученикам. И, что гораздо более удивительно, он любит и сам подчиниться авторитету, правилу, режиму. Он сохранил на всю жизнь благодатную память о военной службе, оставался всегда убежденным «милитаристом» и даже в походе, в мелочах жизни носил следы казарменных привычек. Он чувствовал себя призванным к социальной деятельности, к социальной организации. Он был способен на величайшие личные жертвы и требовал этих жертв у других. Все это делает его предтечей авторитетной молодой Франции, и его смерть на поле битвы, столь долгожданной, не бессмысленное, а единственное, разумное, героическое завершение его жизни.

Но поэт всю жизнь боролся в нем с социалистом, а поэт-Пеги не

желал возложить на себя никакой дисциплины. Его творчество было бурным, стихийным самораскрытием, «мутной рекой, несущей золотой песок» (Сегюр). К религии Пеги подошел, как поэт, а не как социальный революционер. При всех глубоких корнях ее, она осталась для него «личным делом», хотя он и избрал для политического выражения ее, национальную героиню Франции.

Есть глубокая связь между общественной активностью и потребностью в догмате. Вся ортодоксальность современной французской молодежи покоится на ее активизме. Активизм Пеги еще не до конца переродился религиозно, или, что одно и то же, религиозность его не созрела до общественного подвига. Между двумя половинами его души трещина зияла до конца. Он не перешел рубежа поколений, а остался на том берегу, с Бергсоном против Фомы Аквинского.

Содержание

Федотов Г.П. Религиозный путь Пеги профессор Георгий₁
Петрович Федотов